

Эндогамные ареалы и этнические группы манси в XVIII—XIX вв.

Этническая группа	Территория ареала (уезд, волость)	Численность населения	Показатель эндогамности, %
Манси в целом:	Тур. у. (1—9)	св. 3228	81%
	1—9 Тур., 6 Тоб.	3731	81,5%
	1—9 Тур., 6 Тоб., 1, 2 Бер.	5556	82%
Этнографические группы:			
Северные	1, 2 Бер.	1825	79,3%
Западные	3—5 Тур.	791	82%
Восточные	6 Тоб., 1, 2 Тур.	1822	92,5%
Южные	6—8 Тур. 9 Тур.	1096 св. 22	71,5% 85,5%
Территориальные (диалектальные) группы:			
Сосьвинские	1, 2 Бер.	1825	79,3%
Пельмские	3, 5 Тур.	574	73%
Среднеозьвинские	4 Тур.	217	50%
Территориальные (говорные) группы:			
Верхнесосьвинские	?	?	?
Ляпинские	1 Бер.	1107	60,7%
Верхнекондинские	2 Тур.	762	80%
Нижнекондинские	?	?	?
Среднекондинские	1 Тур.	557	52%
Карымские	6 Тоб.	503	69%

* Сокращения: Бер.— Березовский у., Тоб.— Тобольский у., Тур.— Туринский у.

** Волости обозначены номерами: Туринский у.: 1 — Большекондинская, 2 — Верхнекондинская, 3 — Пельмские, (Пельмская и Верхнепельмская), 4 — на р. Лозьва (Лозьвинская и Тахтанская), 5 — на р. Сосьва, (Гаринская, Ворьинская и Сосьвинская), 6 — Чернавская, 7 — Табаринская, 8 — Кошутская, 9 — волости на р. Тура.

Endogamy and Ethnos

The author summarizes her analysis her marriage arrangements among the Khanty and the Mansi in the 18—19th centuries and examines their patterns of endogamy. She concludes that the rate of endogamy should be regarded as an indicator of ethnic group identity. Marriage patterns are shown to affect ethnic culture and language as well formation of different sub-ethnic groups (in the case studies of the Khanty and the Mansi the author classifies them as ethnographic or territorial). It is the marriage preferences of a given ethnic group which can help ascertain its ethnic identity in disputable cases, while the index of endogamy serves to define its boundaries.

Z. P. Sokolova

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ З. П. СОКОЛОВОЙ

© 1992 г., ЭО, № 3

Статья З. П. Соколовой открывает второй раунд дискуссии, начатой почти четверть века назад публикацией на страницах «Советской этнографии» статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия». Обсуждавшаяся тема вовсе не была

исчерпана, а таймаут, взятый участниками спора, явно затянулся. Поэтому нельзя не приветствовать инициативу З. П. Соколовой, вновь пригласившей нас к размышлениям над важной научной проблемой. Однако прежде чем обратиться непосредственно к существу вопроса, считаю полезным сделать несколько замечаний историографического характера.

По мнению З. П. Соколовой, значение эндогамии для сохранения устойчивости этноса всегда четко осознавалось этнографами, но считалось как бы само собой разумеющимся и до 1970-х г. не привлекало к себе специального внимания теоретиков. На этом основании утверждается, что «до сих пор эндогамия не рассматривалась как один из основных признаков этноса». В действительности же дело обстояло иначе.

Первым исследователем, обратившимся к изучению эндогамии как существенного признака этнической общности, был еще С. М. Широкогоров — один из крупнейших этнографов начала XX в., научное наследие которого до сих пор не оценено по достоинству. Правда, в его ранних работах, заложивших основы изучения теории этноса в нашей стране, мы не находим каких-либо указаний на взаимообусловленность круга брачных связей и границ этнической общности. Лишь в 1935 г. во введении к своей монографии «Психоментальный комплекс тунгусов» С. М. Широкогоров предложил дефиницию этноса, в которой эндогамия рассматривается в качестве одного из его сущностно значимых свойств: автор определял этнические общности как группы, которые «обладают самосознанием, располагают средствами для взаимопонимания, в культурном отношении более или менее гомогенны, причем брачные связи не выходят за их пределы, т. е. эти группы эндогамны». Данные признаки этнических общностей позволяют противопоставить их иным группам, которые «не могут быть названы этническими, поскольку они не обладают указанными условиями для адаптации: иногда они не гомогенны, не полностью эндогамны или не имеют самосознания»¹.

К сожалению, интереснейшие мысли, высказанные в связи с этим С. М. Широкогоровым, были вскоре преданы у нас забвению: после происшедшей в начале 1930-х гг. кампании по борьбе с буржуазной идеологией в сфере общественных наук успешно начатые исследования по теории этноса были искусственно прерваны, а само понятие «этнос» объявлено классово чуждой нам псевдонаучной категорией. В начале 1950-х гг. этот термин стал изредка появляться на страницах советских этнографических изданий, но шлейф одиозности все еще тянулся за ним, и некоторые авторы даже предпочитали брать его в кавычки, подчеркивая необходимость решительно отмежеваться от того этноса, «который столь мил сердцу буржуазных ученых»². В действительности же утверждение об особом пристрастии зарубежных этнологов к понятию «этнос» грешило сильным преувеличением: в те годы среди наших западных коллег стало все явственнее распространяться скептическое отношение к теоретическим аспектам изучения этнических общностей.

Существенный сдвиг в этой области этнологического знания произошел в результате исследований советских ученых в 1960-х гг. Но в определениях понятия «этнос», формулировавшихся в то время, оказались забытыми соображения, которые высказывались на сей счет в 1920-е гг. Разрыв исследовательской традиции нанес серьезный ущерб науке, восприимчивость которой к потребностям реальной действительности была ослаблена политическими шорами. Поэтому, в частности, поставленный в 1969 г. Ю. В. Бромлеем вопрос о сущности этнической эндогамии многим показался совершенно неожиданным и плохо согласующимся с привычными теоретическими аксиомами. Тем не менее, в ходе оживленной дискуссии, хотя и с некоторыми оговорками, основные тезисы Ю. В. Бромлея были приняты большинством специалистов. К чему же сводились его выводы?

Во-первых, «из всех типов социальных общностей (за исключением конфессиональных общностей и каст) наибольшей степенью замкнутости круга брачных связей обладают этносы. Следовательно, мы можем рассматривать эндогамию как характерную для этносов особенность»³.

Во-вторых, «в силу эндогамии, создающей генетический барьер, этнос нередко в той или иной степени выполняет одну из функций биологической единицы», хотя «далеко не всегда эндогамия и генетический барьер полностью совпадают: они могут быть всего лишь в большей или меньшей мере сопряжены друг с другом»⁴.

В-третьих, эндогамия «выступает как фактор культурного обособления данного этноса от других этносов» и «оказывает внутреннее интегрирующее воздействие на составляющие этнос компоненты»⁵.

В 70-е годы обсуждение этих проблем у нас надолго прервалось. Но именно тогда аналогичные вопросы оказались в поле зрения зарубежных этнологов. Произошло это главным образом в связи с интенсивной разработкой концепции этничности. Впервые в западной науке анализу была подвергнута и этностабилизирующая функция эндогамии. «Сохранение культуры,— замечал по этому поводу Дж. Портер,— без сомнения может наиболее эффективно осуществляться через посредство биологических наследственных групп... Роль семьи в этнокультурной трансмиссии требует, чтобы группы налажали на своих членов требование вступать в брак внутри своей группы. В противном случае они утрачивают изначальную связь с племенем или нацией»⁶. В свете этих суждений отнюдь не случайным представляется тот факт, что само понятие эндогамии Э. Лич в своей книге «Социальная антропология» поясняет именно на примере предпочтительного заключения браков в пределах одной этнической группы⁷.

Что же касается советских ученых, то в их среде идеи, высказанные в ходе дискуссии 1970 г., претерпели тем временем заметную эволюцию. Это касается прежде всего взглядов инициатора обсуждения данной проблемы — Ю. В. Бромлея.

Если мы обратимся к его статье «Этнос и эндогамия», то обнаружим, что в ней автор рассматривал эндогамию как «непременное свойство этнических общностей»⁸, их «характерную черту»⁹, «характерную для этносов особенность»¹⁰, проявляющуюся наряду со всеми «другими отличительными признаками этносов»¹¹. Тем не менее, давая в своей монографии 1973 г. определение этноса, Ю. В. Бромлей не включил эндогамию в число признаков этнической общности. Показательно, что десять лет спустя в «Очерках теории этноса» он в противоположность своим ранним работам тщательно избегал характеристики эндогамии как свойства или признака этнической общности, называя ее лишь «фактором» сохранения устойчивости этноса¹². Можно высказать предположение, что недвусмысленный отказ Ю. В. Бромлея от признания эндогамии существенным признаком этноса был связан с обострившимся в 1970-х гг. противостоянием двух различных концепций этнической общности, ибо включение признака эндогамии в определение этноса могло быть истолковано как уступка Ю. В. Бромлея сторонникам «биологической» теории Л. Н. Гумилева.

Сегодня ситуация вновь изменилась. Прежняя уверенность в том, что методологическим основанием этнографической науки как области знания является теория этноса существенно поколеблена. Все чаще высказывается опасение по поводу того, что кошки, которую мы так долго искали в темной комнате, там вообще никогда не было. Раньше мы были уверены, что кошка реально существует; оппоненты допускали, что она есть плод ее собственного воображения; теперь сформулирована еще одна точка зрения: кошка — не более чем абстрактная идея, возникшая в умах исследователей.

«Этносы, как и формации,— пишет в своей статье "Советская этнография: преодоление кризиса" В. А. Тишков,— есть умственные конструкции, своего рода „идеальный тип“, используемый для систематизации конкретного материала, т. е. они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов»¹³. Признавая, что перейти на эту позицию трудно и допуская, что «возможно, этого и не следует делать всем дружно»¹⁴, автор утверждает, что нечто, принимавшееся ранее учеными за этнос, в действительности «есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоориентации

континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры»¹⁵.

Впрочем, сформулированная В. А. Тишковым концепция страдает катастрофической непоследовательностью. С одной стороны, этносы (народы) существуют лишь в головах этнографов, но с другой — «у этнологии и антропологии есть свой отчетливый предмет — это изучение народов и культур»¹⁶. Народ, этническая группа оказывается не просто хаотическим континуумом отдельных элементов, но и некой реальностью, к которой может принадлежать или не принадлежать сам этнограф¹⁷ и с которой он призван вести диалог¹⁸. Когда же речь заходит об «этическом кодексе профессиональных этнографов», в головах которых, собственно, и возникает народ как сугубо искусственный конструкт, выясняется, что исследователь должен помнить о трех заповедях: «Возвращая народу полученные от него же информацию и знание, — а) не навреди ему, б) не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ, в) не бери на себя функции самого народа»¹⁹. Идей связующая нить здесь явно распадается, и я, откровенно говоря, не могу предложить способа соединить их; потому мне сдается, что автору данной концепции, говоря его же словами, не грозит печальная перспектива завершить свой путь в науке, «не испытав удовлетворения быть опровергнутым своими коллегами и учениками»²⁰.

Тем не менее опасность того, что мы опять сделаем поворот на 180° и «все дружно» перейдем на какие-то иные предписанные нам позиции, все-таки существует. Поэтому возобновляемая ныне дискуссия о соотношении этноса и эндогамии вне зависимости от того, чем она завершится, представляется мне принципиально важной. Науке противопоказаны кавалерийские атаки. Для нее нет ничего губительнее, чем разрыв исследовательской традиции. Это касается и совокупности идей, сформулированных в нашей науке и в оттепель, и в злую непогоду. Принося читателю извинение за это вынужденное и, по всей видимости, излишне эмоциональное отклонение от темы, я возвращаюсь к статье З. П. Соколовой, явившейся непосредственным поводом для размышлений о соотношении эндогамии и этноса.

Эта статья, как и другие работы З. П. Соколовой по данной проблематике, представляет большую ценность потому, что в ней содержится детальный анализ конкретного материала, позволяющий сформулировать ряд важных выводов. К сожалению, сами по себе эти выводы приведены в обсуждаемой статье порой почти мимоходом, без должного обоснования; другие же вообще не нашли отражения в тексте, хотя изложенный материал позволяет это сделать.

Я полностью разделяю точку зрения З. П. Соколовой о том, что эндогамия представляет собой признак этнической общности, более того — один из наиболее существенных, а не каких-то «дополнительных» ее признаков. Но возникает вопрос — что реально означает и как практически определяется степень фундаментальности того или иного признака этноса? В наши дни среди этнографов (я имею в виду — среди тех, кто признает присутствие в темной комнате злополучной кошки), пожалуй, уже нет сомнений в том, что наиболее значимым свойством этноса, определяющим в конечном счете его важнейшие параметры, является этническое самосознание. Этнографии неизвестны народы, не обладающие специфическим самосознанием и не имеющие своего собственного самоназвания как его внешнего проявления. В процессе дезинтеграции этнос продолжает существовать до тех пор, пока не перестает осознавать себя как таковой. Трансформирующиеся этносы могут утратить все свои объективно прослеживаемые признаки, но представление о единстве и «самости» группы исчезает в последнюю очередь (так, обитающие в районе Паленке на юго-востоке Кубы «индиос» навсегда лишились какой-либо специфики в сфере материальной и духовной культуры, забыли свой язык, но продолжают выделять себя из среды окружающего населения, апеллируя исключительно к своему самоназванию). Представляется, что высокая функциональная значимость этнической эндогамии определяется решающим воздействием самосознания группы на поддержание

обычая заключать браки в пределах своей общности. Преимущественное заключение браков внутри этноса — не просто объективно фиксируемая особенность, но осознанная и целенаправленная практика, для обоснования целесообразности которой информаторы всегда готовы привести те или иные соображения. И когда украинка из Бирючинского у. Воронежской губ. объясняла причину непопулярности браков малороссиян с русскими тем, что «хочь вони и гарни, та московски борщю не умеют зварить»²¹, то мы имеем здесь дело с одним из проявлений четко выраженного этнического самосознания. С этой точки зрения, нарушения этнической эндогамии, превышающие некоторую стихийно складывающуюся среднюю норму, свидетельствуют о деформации структуры этнического самосознания, а стало быть — сигнализируют о далеко зашедшем процессе этнотрансформационных изменений. Что же касается допустимого предела этой средней нормы, то данный вопрос у нас почти совершенно не изучен; приводимые З. П. Соколовой ориентировки (95—97% эндогамных браков для устойчивого состояния этноса и 81—82% при его размывании)²², вероятно, могут быть пересмотрены.

Вторая важная проблема, вновь поднятая З. П. Соколовой, сформулирована ею как несовпадение языковых и культурных границ с эндогамными. Ареалы отдельных признаков этнической общности никогда не совпадают между собой полностью, они лишь определенным образом соотносятся между собой — этот факт давно уже хорошо известен каждому этнографу, изучающему тот или иной народ в поле. Напомню, что еще в самом начале 1930-х г. несовпадение пространственного распределения элементов материальной культуры русских использовалось как аргумент, опровергающий существование единой русской этнической общности. С. П. Толстов утверждал, что северно-русский сарафан и южно-русская панева — явления, ничего общего между собой не имеющие²³; М. Т. Маркелов полагал, что ни методологически, ни по существу этнограф не имеет права говорить о «русской» одежде как о чем-то едином, точно так же, как было бы опрометчивым говорить о «русском» типе жилища²⁴. На этом основании делался вывод, что «современный этнограф, отрешившись от традиций нашей патриотической отечественной историографии, должен признать, что нет историко-культурного содержания в понятии "великорусская" народность или нация»²⁵.

Перед нами — типичный пример того, как «отрешившиеся от традиций» этнографы-марксисты склонны были, основываясь на различиях в материальной культуре этноса, считать его искусственным конструктом, возникшим в головах исследователей. Полвека спустя, когда признание этнического самосознания ведущим признаком этноса было уже общим местом в работах наших этнографов, явственно обнаружилась иная тенденция — преувеличивать степень культурной гомогенности этнических общностей и не придавать структурообразующего значения локальным различиям в культуре. Так, признавая, что границы пространственного распространения как отдельных компонентов культуры, так и их целых комплексов зачастую не совпадают ни между собой, ни в целом с территориальными рамками этнических общностей, Ю. В. Бромлей тем не менее призывал своих коллег «не абсолютизировать» данное явление²⁶ и продолжал настаивать на том, что «именно культура этноса в целом обеспечивает его функционирование как системы»²⁷.

На мой взгляд, обе приведенные точки зрения представляют собой крайности, грешащие против истины. При этом проблема оказывается более сложной, чем просто отрицание этноса ввиду наличия локальных различий в его культуре или, напротив, преуменьшение значимости этих реально существующих различий. Если принять гипотезу о существовании двух отличающихся друг от друга состояний этничности, первое из которых было предложено назвать дискретной этничностью, второе — этнической непрерывностью²⁸, то в одном случае мы наблюдаем дробление этнической территории на локальные культурные ареалы, в другом — включение границ нескольких этнических общностей в пределы одного культурного ареала. Примеры второго рода неоднократно встречаются в этнографической литературе, однако они как правило не получали теоретического

истолкования. Для нас в данном случае важно подчеркнуть, что ни дискретные этносы, ни общности, составляющие в своей совокупности этническую непрерывность, не знают совпадения культурных и этнических границ.

Совершенно иное дело — эндогамные ареалы. В ситуации этнической непрерывности круг брачных связей оказывается практически единственным признаком этноса, в пространственном отношении максимально приближенным к территориальным рамкам этноса, выделяемым на основе его самосознания²⁹.

Третья проблема связана с оценкой относительного уровня эндогамности внутри этноса и его локальных подразделений. В свое время Ю. В. Бромлей, оспаривая возможность обращения к кругу брачных связей как к критерию выделения этнических общностей основного таксономического уровня (этносов) в отличие от субэтносов, указал на то, что «степень эндогамности браков внутри отдельных частей этноса (уже в силу изоляции расстоянием) нередко бывает значительно выше, чем эндогамность его в целом.., а это значит, что руководствуясь критерием эндогамности, легко принять субэтнические группы за основные этнические подразделения»³⁰. Конкретные данные, приведенные в статье З. П. Соколовой, подтверждают тезис о том, что процент браков, заключаемых в пределах субэтноса, может быть выше, чем по этносу в целом. Но это отнюдь не мешает использованию признака эндогамности в качестве критерия выявления границ этнической общности основного уровня. Как мне уже приходилось отмечать³¹, в данном случае для нас важен не сам по себе уровень эндогамности, а кривая его перепадов, которые в границах этноса выражены несравненно менее отчетливо, чем за его пределами. Поясню это на примере данных, сообщаемых З. П. Соколовой. У всех хантов показатель эндогамности составляет 95,7%; другими словами говоря, лишь 4,3% браков заключаются вне границ хантской этнической общности, и таким образом, перепад уровня эндогамности на границе этноса составляет более 90%. У восточных хантов этот показатель выше, чем по этносу в целом (97,5%), но всего лишь на несколько процентов. В принципе такая же картина характерна и для манси, хотя здесь пики кривой в пределах этноса выражены несколько более отчетливо. К сожалению, сейчас уже невозможно установить, почему вывод о меньшей крутизне перепадов в уровне эндогамности внутри этноса показался Ю. В. Бромлею неожиданным и был отвергнут им³². Во всяком случае, наблюдения З. П. Соколовой говорят в пользу этого вывода.

Наконец, четвертая проблема, в тексте обсуждаемой статьи не сформулированная, но естественно вытекающая из рассмотрения всей совокупности вопросов о соотношении этноса и эндогамии, касается механизма возникновения этнической эндогамии. В связи с этим мне представляется целесообразным сопоставление и противопоставление двух качественно различных типов эндогамии. Первый характеризуется жестким регламентированием, опирающимся на нормы обычного права, не предполагающим каких-либо допустимых исключений из правила и предписывающим строгие санкции за его нарушение. Второй возникает спонтанно, без видимых связей с правовыми категориями, он не предусматривает каких-либо наказаний за несоблюдение практики предпочтительного заключения браков внутри своей группы. Первый тип свойствен социальным институтам, основанным на нормах обязательного брака (дуально-родовая организация, «трехродовой» союз, каста); второй тип возникает как характерный признак этнической общности. В известном смысле эти два типа эндогамии взаимоисключают друг друга, в силу чего в обществах, где этнограф наблюдает функционирование структурированной системы одностороннего или двустороннего обязательного брака, этничность оказывается заторможенной, приглушенной, оттесненной на второй план или вообще не проявляющейся наряду с другими формами общественных связей. Напротив, те или иные исторические причины, приводящие к стагнации и исчезновению институтов брачной прескрипции, выступают в то же самое время как мощные этностимулирующие факторы, способствующие резкой активизации этничности. Это обстоятельство не позволяет согласиться с позицией

тех наших теоретиков, которые склонны универсализировать этничность и даже утверждать, будто любой человек в любой исторический момент и в любой точке земного шара непременно является представителем того или иного этноса. Изучение этнической экзогамии показывает, что по отношению к социальным ячейкам, основанным на узак рождства, этнические общности — явление вторичное, стадильно более позднее, возникающее по мере трансформации и деградации иных социальных институтов, а при определенных условиях так и не сформировавшееся даже в обществах, которые мы считаем относительно развитыми³³. Другими словами, углубленное изучение этнической эндогамии — один их перспективных путей проникновения в сущность феномена этничности.

М. В. Крюков

Примечания

¹ *Shirokogoroff S. M. Psychomental Complex of Tungus. L., 1935. P. 12.*

² *Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания//Сов. этнография. 1951. № 4. С. 12.*

³ *Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия//Сов. этнография. 1969. № 6. С. 91.*

⁴ *Там же. С. 89.*

⁵ *Там же.*

⁶ *Porter J. Ethnic Pluralism in Canada//Ethnicity. Cambridge (Mass.), 1975. P. 298.*

⁷ *Leach E. Social Anthropology. Glasgow, 1982. P. 230.*

⁸ *Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия. С. 84.*

⁹ *Там же. С. 89.*

¹⁰ *Там же. С. 91.*

¹¹ *Там же.*

¹² *Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. Во время дискуссии 1988 г. об этносах и субэтносах Ю. В. Бромлей высказался еще определеннее: «Эндогамность, на наш взгляд, не является специфическим признаком этноса, а всего лишь одним из факторов его функционирования» (Бромлей Ю. В. Этнические общности — сложные, многомерные системы//Расы и народы. М., 1988. Вып. 18. С. 36).*

¹³ *Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса//Этн. обозрение. 1992. № 1. С. 7.*

¹⁴ *Там же.*

¹⁵ *Там же. С. 8.*

¹⁶ *Там же.*

¹⁷ *Там же.*

¹⁸ *Там же. С. 8.*

¹⁹ *Там же. С. 18.*

²⁰ *Там же. С. 7.*

²¹ *Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. М., 1988. С. 47.*

²² *Ср. мнение Ю. В. Бромлея: «Нарушение эндогамии в пределах 10%, как правило, не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными и при том немедленными последствиями» (Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия. С. 85).*

²³ *Толстов С. П. К проблеме аккультурации//Этнография. 1930. № 1—2. С. 75.*

²⁴ *Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских//Этнография. 1930. № 1—2. С. 61.*

²⁵ *Там же. С. 59.*

²⁶ *Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 122.*

²⁷ *Там же. С. 124.*

²⁸ *Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность//Расы и народы. М., 1989. Вып. 19. С. 10.*

²⁹ *Там же. С. 14.*

³⁰ *Бромлей Ю. В. Этнические общности — сложные, многомерные системы. С. 34.*

³¹ *Крюков М. В. Преодолеть догмы, изучать реальную этническую ситуацию//Расы и народы. М., 1988. Вып. 18. С. 60.*

³² *Бромлей Ю. В. Еще раз о многообразии этничности//Расы и народы. М., 1989. Вып. 19. С. 26—27.*

³³ *Подр. см.: Крюков М. В. Социальное и этническое//Расы и народы. М., 1992. Вып. 22. (В печати).*

The author treats Z. P. Sokolova's article as a continuation of the discussion on ethnos and endogamy in the late 60-ies and tries to isolate main changes in the attitude towards the problem by the international academic community during this period of time. He agrees with Sokolova on the point that endogamy constitutes one of the most important traits of ethnos because it is this feature that corresponds closely to the boundaries of ethnic identity. He elaborates the idea that there is a need to differentiate between two types of endogamy: the first one specific for rigidly structured social groupings dominated by obligatory marriage regulations, the second one being a phenomenon of quite different nature, ethnic endogamy without any social sanctions in case of violation of the rule emerging in the course of disintegration of social institutions based on marriage prescription.

M. V. Kryukov

© 1992 г., ЭО, № 3

Одно из ярких явлений в отечественной этнографии последних 25 лет — становление и развитие теории этноса, большим энтузиастом которой был акад. Ю. В. Бромлей. Эта теория, изложенная и детализированная им в целом ряде публикаций, неоднократно обсуждалась на страницах нашей научной печати и, безусловно, стимулировала развитие важных и полезных исследований. Одной из характерных черт теории этноса был ее акцент на этный подход, или, иначе говоря, на так называемые объективные атрибуты этноса, такие, как единство языка, культуры, территории, общность экономической жизни и помимо всего прочего высокий уровень эндогамности. Именно этого подхода вполне сознательно и целенаправленно придерживается З. П. Соколова, поставившая своей целью доказать, что стабильности этноса в немалой степени способствуют внутриэтнические браки.

Нельзя не отметить, что обсуждаемая статья является своеобразным итогом огромной многолетней работы, проведенной автором по сбору и анализу архивных данных о брачности у обских угров в XVIII—XIX вв. Собрав весьма представительные статистические материалы о брачности у различных групп хантов и манси, З. П. Соколова фактически создала солидную основу для углубленного анализа этнической ситуации у коренного населения Оби на протяжении по меньшей мере двух столетий. Эти данные позволяют с большей степенью точности и основательности оценить соотношение брачных ориентаций отдельных этносов с ситуацией, сложившейся в области бытования их языка и культурных традиций. Все эти вопросы, как уже отметил автор в своей монографии¹, имеют большое как теоретическое, так и практическое значение.

Лейтмотивом статьи З. П. Соколовой является идея о большой роли эндогамности как основы этнического, культурного и языкового единства, или, иначе говоря, жизнеспособности этноса в целом и его отдельных подразделений. Утверждая это положение, З. П. Соколова развивает высказанную Ю. В. Бромлеем² идею об эндогамии как своеобразном стабилизаторе этноса. В принципе этот подход вряд ли может вызывать особые возражения. Действительно, можно ли всерьез оспаривать положение о том, что внутри эндогамной общности в силу интенсивности внутренних информационных связей создаются оптимальные условия для возникновения и поддержания культурно-языкового единства? Проблема, на мой взгляд, состоит в другом — служит ли высокий уровень эндогамности непременным условием существования этноса. Похоже, что З. П. Соколова утвердительно отвечает на поставленный вопрос, и это в принципе вытекает из ее приверженности к теории этноса в той ее объективистской версии, которая неоднократно излагалась Ю. В. Бромлеем. Об этом свидетельствуют следующие высказывания и устанавки автора. З. П. Соколова по существу не столько

доказывает, что эндогамия ведет к монолитности этноса (да и надо ли это доказывать?), сколько пытается судить о сложении или устойчивости этноса в соответствии с уровнем эндогамности. Характерно убеждение автора в том, что из анализа эндогамности выясняются причины значительных этнокультурных различий между разными группами и что показатели эндогамности могут помочь исследователю в определении этнической принадлежности той или иной общности.

Все это не ограничивается чисто теоретическими рассуждениями, ибо автор применяет изложенные постулаты в конкретном исследовании. Так, устанавливая, что салымские ханты, обитавшие между южными и восточными хантами, заключали внешние браки главным образом с последними, З. П. Соколова соответственно относит их самих к восточным хантам. Здесь-то и возникает вопрос относительно правомочности применяемой методики. Является ли эндогамность независимой переменной или же, подобно языковой, культурной и прочей политике, она служит своеобразной групповой или этнической стратегией для достижения определенных целей в сложившейся конкретно-исторической ситуации? Если она является такого рода стратегией, то не означает ли это, что она изменяется в соответствии с изменяющейся обстановкой? А если это так, то нельзя не предположить, что в иной обстановке салымские ханты могли бы вступать в браки преимущественно с южными хантами или, во всяком случае, в равной мере с северными и южными группами, как это наблюдалось у малоатлымских хантов? В свою очередь, означает ли это, что в указанных гипотетических случаях нужно было бы трактовать салымских хантов соответственно как подгруппу южных хантов или вообще как автономную этническую единицу? Короче говоря, можно ли обсуждать затронутые З. П. Соколовой проблемы без анализа различных факторов, которые со своей стороны воздействуют на те или иные брачные ориентации?

Любопытно, что З. П. Соколова сама стимулирует постановку такого рода вопросов, отмечая, например, что языковые и культурные границы не всегда совпадали с эндогамными. Более того, она отмечает и тот факт, что тазовские селькупы входили в один эндогамный ареал с восточными хантами и это породило тенденцию к унификации культуры при сохранении разных языков. Однако в данном случае автор как будто бы не склонен включать тазовских селькупов в состав восточных хантов, и здесь с ней, видимо, можно согласиться. Еще более яркий и, можно сказать, классический пример существования экзогамных культурно-языковых общностей известен в Северо-Западной Амазонии, где межплеменные браки издавна являются предпочтительной практикой, что вовсе не ведет к распаду или размыванию отдельных племенных групп³.

Иными словами, установка на этный подход ведет к недооценке, а то и к полному игнорированию активной роли этнического сознания. Странников этного подхода мало интересует, насколько сами люди стремятся сохранять и развивать свои культуры и языки, какими способами они этого достигают, какой стратегии придерживаются и как варьируют такие стратегии в зависимости от меняющейся обстановки. Этный подход долгое время лежал у нас в основе составления списков народов для Всесоюзных переписей населения, и поэтому в зависимости от субъективных установок составителей такие списки как бы декретировали сверху то одно, то другое число народов, и одни народы то возникали, то вовсе исчезали, то включались в состав других⁴. И все это без учета мнения самих носителей этнического! К сожалению, приходится констатировать, что определение границ и самой сути этнической общности по уровню эндогамности относится к арсеналу все тех же методик, исходящих из укоренившегося у нас этного подхода.

Представляется, что устанавливая место брачности в этнических процессах, следует различать целый ряд несходных ситуаций. Если компактная этнокультурная группа живет в относительной изоляции, то эндогамность возникает сама собой за отсутствием альтернатив. Если же этнические группы обитают дисперсно или в тесных взаимных контактах, то брачные установки следует оценивать как

сознательно избранную стратегию. Именно в этом случае, который предоставляет возможность выбора, возникает целая серия вопросов относительно того, почему брачность принимает тот или иной характер, как она отражает этнический процесс или, напротив, воздействует на него, какую роль при этом играет этническое самосознание и т. д. Именно такие вопросы, прежде всего связанные с активной ролью этнического или группового самосознания, и ставят перед собой выдвинутая в последние десятилетия на Западе концепция этничности, и в этом ее принципиальное отличие от сложившейся у нас теории этноса.

Разумеется, делая акцент на изучении активной роли этнического самосознания, нельзя не учитывать его подвижности, что, кстати, и вызывало негативную реакцию у сторонников этного подхода, предпочитавших основываться на более стабильных объективных характеристиках этноса. Вместе с тем нельзя не отметить, что этот подход, не ограничивавшийся у нас рамками одной лишь теории, но находивший выражение и в административной политике типа паспортной системы, по сути своей искусственно затруднял и даже искажал нормальное течение этнических процессов, навязывая строго декретированную извне этническую принадлежность отдельным индивидам или же целым группам.

Чтобы продемонстрировать активную роль этнического самосознания и связанной с ним целенаправленной этнической стратегии, призванной сохранить этнос, достаточно обратиться к материалам, которые мне удалось собрать в июне 1991 г. у тлингитов Юго-Восточной Аляски⁵. Динамику тлингитского этнокультурного развития на протяжении последних 200 лет еще предстоит описать. Вкратце она сводилась к следующему. С конца XVIII в. Юго-Восточная Аляска была включена в зону русского влияния, что выразилось в активных торговых контактах тлингитов с русскими, а также в обращении части тлингитов в православие и их знакомство с русской культурой. После продажи Аляски в 1867 г. особую активность на юго-востоке Аляски развила пресвитерианская церковь, которая установила монополию в сфере образования и не без успеха пыталась американизировать тлингитов, отлучив их от родных языка и культуры. Разумеется, все это происходило на фоне волн миграций, главным образом англоамериканцев, которые достигли грандиозных размеров в 1940—1950-е гг. прежде всего в связи с милитаризацией Аляски. Именно с середины XX в. коренные обитатели Юго-Восточной Аляски превратились в этническое меньшинство, и в 1988 г. они (главным образом тлингиты, но также и хайда, цимшияне и др.) составили лишь 19% всего населения. С конца 1950-х гг., когда Аляска получила статус штата, началось безудержное разграбление местных земель, причем в первую очередь лучших. Конец этому был положен в 1971 г. законом о поземельных отношениях на Аляске, поделившим всю территорию между федеральным правительством, штатом Аляска и корпорациями коренных народов. При этом последние хотя и потеряли значительные участки своих прежних территорий, но все же получили за них изрядные денежные компенсации.

Описанные процессы негативно сказывались на этнокультурной ситуации у тлингитов, значительная часть которых к настоящему времени уже потеряла свой родной язык и многие культурные традиции. Существенные изменения происходили и в брачных ориентациях, изучение которых было одной из целей моего исследования. В настоящее время в г. Ситке проживает 8257 чел. (данные за 1988 г.). Коренное население, представленное главным образом тлингитами, составляет 1676 чел., т. е. 20,3%. Моей выборкой охвачено 118 этнических тлингитов, т. е. 7% всей тлингитской популяции в Ситке. Это 65 женщин и 53 мужчины, из которых 88% старше 20 лет. Иначе говоря, основная масса людей, вошедших в выборку, была представлена индивидами средних лет или пожилыми. Следовательно, их родители вступили в брак в первой половине XX в., а браки на уровне третьего восходящего поколения заключались в конце

⁵ Автор транскрибирует этноним в соответствии с самоназванием народа — tlingit.

XIX или в начале XX в. На уровне второго восходящего поколения оба супруга были тлингитами в 58% случаев, к тлингитам относились жены в 35% случаев, а мужа — в 7%.

Межэтнические браки, таким образом, встречались у тлингитов на уровне третьего и второго восходящих поколений, причем уже в первой половине XX в. уровень эндогамности у них был значительно ниже (менее 60%), чем устанавливает З. П. Соколова для этнически устойчивого этноса (95—97%). Еще более поразительная картина наблюдается в течение последних 30—40 лет, когда межэтнические браки (60%) начинают преобладать над внутриэтническими. При этом резко возрастает нарушение клановой экзогамии: экзогамных и эндогамных браков становится фактически поровну. А ведь еще в первой половине XX в. за нарушение клановой экзогамии тлингитам грозила смерть. Наконец, если до середины XX в. межэтнические браки заключались преимущественно с белыми, то в последние десятилетия прослеживается явная тенденция к их переориентации: брачных партнеров все чаще находят среди других коренных этносов Аляски и северо-западного побережья Северной Америки, а также других коренных обитателей США, мексиканцев, выходцев из Азии и пр.

Другой тенденцией, которая наблюдалась в последние десятилетия, являлся интенсивный отток коренного населения за пределы своих этнических территорий. В результате значительная часть тлингитов и хайда обитают сейчас на западном побережье США в штатах Вашингтон, Орегон и Калифорния. Все это должно было бы, исходя из предположения З. П. Соколовой, вести к размыванию и исчезновению тлингитского этноса, в особенности если учесть преобладание внешних браков над внутренними. А между тем этого не происходит, ибо дети от межэтнических браков, как правило (во всяком случае, при условии их обитания в пределах этнической территории), признаются тлингитами. Это представляет тем больший интерес и требует объяснения, если учесть, что матрилейность до сих пор является устойчивой традицией в обществе тлингитов.

Каким образом дети от межэтнических браков с железной последовательностью обретают тлингитскую идентификацию, если участие мужчин-тлингитов в межэтнических браках неуклонно растет (до середины XX в. на них приходилось 16% браков, а в последние десятилетия 28—33%)? Этому служит обычай адаптации, т. е. формального введения иноэтничной супруги в клан противоположной фратрии, ибо фратриально-клановое деление до сих пор сохраняет большое значение в обществе тлингитов. Адаптация происходит во время потлача, организуемого прежде всего, чтобы почтить память умершего члена клана. Такой потлач устраивается при большом стечении гостей — как членов данного клана, так и многочисленных визитеров из других кланов. Потлачу сопутствует множество разнообразных церемоний и ритуалов, один из которых связан с адапцией. Интересно, что главной целью последней является надделение адаптированных женщин способностью передать обретенную клановую принадлежность своим детям. Никакой специальной подготовки к церемонии женщины не проходили. От них не требовалось знания тлингитского языка, культуры, традиций. Во всяком случае, мои информаторы заявляли, что никто не пытался как-либо специально готовить их к рассматриваемой церемонии. Знакомство с тлингитскими традициями было делом индивидуального выбора. Некоторые женщины и после многих лет замужества так и не испытывали ни желания, ни необходимости этому обучаться. Другие (и, что интересно, среди них одна молодая американка) с энтузиазмом учили тлингитский язык и выказывали большой интерес к тлингитской культуре.

Как бы то ни было, обычай адаптации способствовал тому, что дети таких женщин становились полноправными тлингитами, причем иной раз это происходило из поколения в поколение. Так, мне известен случай, когда матерью одного тлингита была женщина атапаскского происхождения (причем некоторые из ее предков были русскими). А сам он женился на американке. Тем не менее в силу того, что эти женщины были адаптированы в тлингитские кланы, и сам он, и его дети стали тлингитами. В итоге на протяжении последних поколений

тлингиты испытывали мощный приток иноэтничной крови, трансформировался их физический тип, существенные изменения происходили в языке и культуре, но тлингиты сохранили себя как этнос, и нет никаких признаков того, что этот этнос может исчезнуть как таковой.

Вероятно, определенным толчком к росту национального самосознания как у тлингитов, так и у других групп коренного населения Аляски стал Закон о земле 1971 г., по которому все они именно в силу своей этнической принадлежности получили освященное конгрессом США право на земельную собственность. Интересно, что именно за последние 20 лет абсолютный прирост коренного населения на Аляске резко возрос, а его соотношение с пришлым некоренным населением заметно стабилизировалось. И это несмотря на то, что приток мигрантов в абсолютных цифрах несколько не снизился. Именно в 1970—1980-х гг. у коренных обитателей резко возросла рождаемость при сохранении прежнего уровня смертности. Другим явлением последних 20 лет, о котором нельзя не упомянуть, стало движение тлингитов за возрождение своей этнической культуры: начали возникать группы для обучения детей тлингитскому языку, песням, танцам, фольклору; кое-где были организованы детские лагеря, в которых шло обучение традиционным хозяйственным методам и пр. Все эти новые явления нельзя не связывать с новой ситуацией, порожденной Законом 1971 г. и последующими поправками к нему. В частности, по этому Закону земли аборигенных корпораций не подлежали продаже до 1992 г. С нынешнего же года распродажа земель стала реальной опасностью, и, по мнению тлингитов, единственное, что может блокировать этот процесс,— рост национального самосознания, ответственности перед своим народом, чего они и добиваются своей активной политической социализации и энкультурации детей. Тому же служит и обычай адопции, направленный на сознательное стимулирование роста численности носителей своего этноса. Любопытно, что движение за возрождение национальной культуры не выразилось у тлингитов в стремлении к этнической замкнутости или в росте эндогамности.

Все это очень трудно понять с точки зрения ситуации, сложившейся в последние годы в нашей стране, где рост этнического самосознания находит все большее выражение в тенденции к самоизоляции, которая проявляется, в частности, в росте этнической эндогамности. Почему, казалось бы, сходные процессы протекают столь различно — этот вопрос уже неоднократно поднимался на страницах нашей печати. Мне кажется, что многое может объяснить обращение к экономическому и политическому контексту. В условиях рыночной экономики с ее постоянно изменяющейся конъюнктурой, а также при сопутствующем акценте на приоритет прав личности над любым каким-либо групповым или этническим правом общество волей-неволей должно отличаться высоким динамизмом. В таком обществе люди молниеносно реагируют на быстро меняющуюся обстановку, и их самосознание не может не отличаться высокой подвижностью. В политическом плане такие общества требуют демократического режима правления, и застойности или замедленности развития им противопоказана. Напротив, в обществах с административно-командной системой, в тоталитарных или колониальных обществах, где размеры политической власти гипертрофированы, центральная администрация не может обойтись без тотального учета и контроля, что в свою очередь требует высокой степени стабильности или неизменности и приводит к искусственному торможению процессов развития. В идеологии этому сопутствует установка на завершенность процесса, достигшего якобы высшей стадии развития.

Соответственно в демократических государствах большое значение приобретают активные и сознательные действия самих отдельных индивидов, тогда как при тоталитарных режимах государство способно считаться лишь с действиями «широких масс» (классов или, скажем, этносов), выделяющихся по определенным объективным характеристикам. Все это, следовательно, способствует весьма несходным процессам в научной жизни таких обществ, которые порождают и весьма несходные теоретические концепции и подходы. Вот почему, как мне

думается, теория этноса с ее установкой на этный подход никогда бы не могла возникнуть на Западе и вот почему, напротив, сомнительно, чтобы у нас могла развиться концепция этничности, делающая упор прежде всего на этническое самосознание. Поэтому представляется совершенно неверным широко распространенное у нас убеждение, что западная концепция этничности суть не что иное, как наша теория этноса, перенесенная на зарубежную почву. Это представление не просто искажает реальность, но создает заведомо ложные стереотипы, затрудняющие общение и взаимопонимание между нашими и западными специалистами. В то же время, с культурологической точки зрения, появление такого рода представлений вполне закономерно и отражает достаточно распространенное явление, возникающее на начальном этапе взаимодействия двух различных культур, носители которых пытаются воспринимать нравы и обычаи друг друга в привычных для себя терминах. Иными словами, претендуя на положение неких объективных экспертов в оценке чужих культурных традиций, специалисты нередко не могут избавиться от мощного воздействия своего собственного культурного багажа, который неизбежно влияет на особенности их подхода к фактическим данным, на соответствующие их оценки и выдвигаемые теории. К сожалению, от этого общего недуга не свободны ни наша этнография, ни зарубежная антропология. Известно, можно ли от него вообще избавиться. Однако осознавать это явление, безусловно, необходимо, и, возможно, оно заслуживает более детального обсуждения. Во всяком случае, в западной науке такое обсуждение, стимулированное работами Клиффорда Гирца, ведется уже не один год.

Примечания

¹ Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990.

² Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Сов. этнография. 1969. № 6.

³ Sorensen A. Multilingualism in the Northwest Amazon // Amer. Anthropol. 1967. V. 69. № 6.

⁴ Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты Всесоюзных переписей населения // Сов. этнография. 1989. № 2.

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность администрации Тонгасского национального леса (США) и в особенности руководителю археологической лаборатории Стэнли Дэвису за предоставленную мне возможность провести указанное этнографическое обследование в Ситке и частично в Джуно. И разумеется, я бесконечно благодарен моим основным информаторам — тлингитам, щедро поделившимся со мной поистине бесценными данными о современном состоянии своей культуры и происходящих ныне на Юго-Восточной Аляске процессах. Также хотелось бы поблагодарить всех американских коллег, оказывавших мне помощь на различных этапах исследования.

В. А. Шнирельман

An author argues that the Soviet theory of ethnos is in a weak position while demonstrating an explicit etic approach that stresses so called «objective» characteristics of ethnos with endogamy as one of them. On the other hand, it underestimates the active role of ethnic consciousness that effects ethnic behavior in general and in respect to marriage orientations in particular. It is a purposeful ethnic policy expressing itself, for instance, in an adoption practice that sometimes can maintain an ethnic group as a distinct body. An author illustrates his point with the data from the Tlingit Indians collected during his visit to South-Eastern Alaska in June 1991. He contrasts the theory of ethnos and ethnicity concept as two highly different approaches developed in different economic and political environments, the former — under rigid administrative system and non — market economy while the latter — under democratic regime and market economic system.

V. A. Shnirelman

Не являясь специалистом по этнической истории и исторической демографии обских угров, я по необходимости должен ограничить свое участие в дискуссии тематикой теоретико-методологического характера. Здесь, на мой взгляд, на первый план выдвигаются две темы, имеющие общетеоретический характер; обе они обозначены уже в заглавии статьи. Лапидарность жанра реплики в дискуссии, однако, не позволяет последовательно рассмотреть обе темы — и об «устойчивости, монолитности этноса» (курсив мой.— С. С.), и об эндогамии этноса, поэтому я затрону лишь проблему эндогамии, хотя стоило бы заметить, что такой выбор не означает бесспорности трактовки автором статьи первой проблемы.

Вопрос об эндогамии этноса не впервые возникает в отечественной этнографии, в частности, помимо цитированных З. П. Соколовой работ Ю. В. Бромлея существенным вкладом в исследование эндогамии явились работы Д. А. Ольдерогге. Кроме того, с моей точки зрения, весьма продуктивная гипотеза М. В. Крюкова о безэтничности обществ с прескриптивной экзогамией также имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. Вместе с тем наличие такого рода работ и предложенные в них интерпретации этнической эндогамии свидетельствуют скорее о дискусионности проблемы: прежде чем входить в обсуждение вопроса о том, является ли эндогамия фактором или признаком этноса, а также, как это делает автор, решать, является ли эндогамия признаком существенным или дополнительным, следует ответить на вопрос, а присуща ли вообще этническим общностям эндогамия. То обстоятельство, что в обсуждаемой статье последний вопрос считается как бы уже окончательно решенным, заставляет меня начать его рассмотрение с достаточно жесткого утверждения, способного произвести впечатление парадоксального.

Этнос эндогамен в том же самом смысле, в каком эндогамны, скажем, Африка или Западное полушарие, Франция или Восточная Сибирь. Для эндогамии такого рода, именуемой М. В. Крюковым спонтанной, необходимы лишь две предпосылки: наличие населения, более или менее равномерно расселенного в пространстве, и представление о границах «емкости», характеризующихся этой мерой. Известный географ и автор ряда методов в региональном анализе Дж. К. Райт назвал такой подход «методом мусорного ящика»¹, так как он основан на описании характеристики и содержимого «емкости», взятой произвольно, т. е. безотносительно к их реальному пространственному распределению. Поиск эндогамных границ, а в более точной формулировке — *изолирующих барьеров* в конкретной системе расселения может быть представлен в теории регионального анализа как поиск и выделение границ так называемого *функционального* или *узлового района*, внутри которого роль «функций», как связей и отношений, играют брачные связи населения. Методологически корректным при такой постановке задачи является подход, в котором изолирующие барьеры определяются и обнаруживаются как *градиенты плотности* брачных связей жителей исследуемой территории: их обнаружение позволяет выявить сеть центров (в терминологии Кристаллера — Лёша — центральных мест), совпадающих с локальными максимумами плотности брачных связей. Этот формальный подход к исследованию эндогамии разрабатывается не только в региональном анализе, хотя именно эта традиция содержит такие блестящие примеры, как обзор по так называемым «80-процентным группам» (имеется в виду уровень эндогамии) Дж. Адамса и Э. Казакофф, появившийся в томе «Социальные системы» двухтомного издания по методам регионального анализа и озаглавленный «Факторы, обуславливающие размер эндогамных групп»².

В популяционной генетике, в частности в таком ее разделе, как демографическая генетика, или микродемография, созданы модели подразделенных популяций и весьма глубоко исследован такой феномен, как изоляция расстоянием. Модель «изоляции расстоянием» Ж. Малекю и так называемая «гравитационная модель» Д. Куржо отражают типичную стратегию поиска изолирующих барьеров в терминах вероятности заключения браков между уроженцами различных мест:

в обеих вероятность брачной миграции зависит от расстояния, но в гравитационной модели она прямо пропорциональна размеру субпопуляции и обратно пропорциональна расстоянию до этой субпопуляции.

Формально-статистический подход к выявлению и моделированию границ эндогамных ареалов — изолирующих барьеров — не является единственно возможным. К тому же его эффективная реализация предполагает проведение обширной полевой работы по сбору генеалогий, истории складывания системы расселения и т. п., что в случае, когда исследователь намерен изучить систему расселения целого народа на обширной территории, может потребовать десятков лет.

Другой подход, который стоило бы обозначить термином «эвристический», традиционно используется в социальных науках, т. е. главным образом социологами и этнографами. Его особенностью — «презаданность», априорная известность терминов, в которых определяются границы эндогамных общностей; остается лишь перебрать гипотетические возможности и таким образом получить сведения о характере и уровнях эндогамии у исследуемого населения. Именно такой подход реализован в обсуждаемой статье, однако как раз его реализация наиболее очевидно обнаруживает несостоятельность утверждения об эндогамности этноса. Сказанное нуждается в пояснении.

Брачный выбор и складывающаяся на его основе система брачных связей населения зависят от многих социальных и психологических факторов; на них оказывают существенное влияние сложившиеся у исследуемой общности система личностных идентификаций и лояльностей, а также референтные для данной общности группы. Эта система ответственна за способ «видения» самим населением оснований брачного выбора, т. е. в конечном счете она определяет, осуществляется ли выбор брачного партнера по сословным, профессиональным, лингвистическим, территориальным или родоплеменным «параметрам». Располагая информацией о том, как само население осознает основания брачного выбора, исследователь способен, минуя формальный анализ плотности брачных связей, в котором гипотезы о природе обнаруживаемых изолирующих барьеров еще предстоит сформулировать, определить уровень эндогамии племени, касты, социoproфессиональной общности, культурной, территориальной или лингвистической группы и т. п., а в ситуации конкуренции между различными идентификациями и лояльностями, например территориальной и конфессиональной, — оценить влияние каждого фактора в отдельности и их совокупное действие. Такая стратегия исследования, однако, чревата опасностью упустить какой-либо из параметров выбора, и тогда вместо эндогамных сообществ он получит общности, не только окруженные барьерами относительной изоляции, но и содержащие *внутри* также барьеры, в его подходе не обнаруженные. А это означает прежде всего, что эндогамия выделенных им совокупностей окажется эпифеноменом, статистическим артефактом, или эндогамией количественной. Утверждение об эндогамности этноса, в подавляющем большинстве, если не во всех случаях, содержащего *внутри* себя эндогамные сообщества меньшей численности, предстает в этом свете как простой трюизм, как следствие существования этноса в пространстве.

Между тем уже более четверти века назад специалистами были предложены приемы анализа, позволяющие разделить «вклады» в уровень коэффициента эндогамии описанных выше составляющих — эндогамии случайной, спонтанной, или количественной и эндогамии культурно обусловленной. Они исходили из того представления, что эндогамия существует лишь там, где есть обычай или традиция, эксплицитно сформулированная норма либо негласный кодекс в соответствующей сфере поведения, обуславливающие браки среди «своих» и не поощряющие их с «другими», где существует аффективная близость и единое коммуникативное пространство. В таком понимании неизбежно вставала задача, «очистить» коэффициент эндогамии от влияния случайных, не обусловленных культурными установками влияний, т. е. проявления тех самых сил, которые превращают и Африку, и Францию в преимущественно эндогамные ареалы. Соответствующая процедура была изложена на одной из секций симпозиума по

математической антропологии, состоявшегося в 1966 г. в рамках ежегодного заседания Американской ассоциации содействия науке³, материалы которого были опубликованы в 1971 г. и включали доклад известного таксономиста А. Ромни «Измерение эндогамии»⁴. Предложенный им коэффициент имел то преимущество, что позволял измерять именно культурно обусловленную эндогамию (т. е. влияние предпочтений в брачном выборе), элиминируя влияния, вызванные разницей в людности поселений или численности сравниваемых групп, их половозрастной структуре и т. д. Разработанный им метод, усовершенствованный впоследствии другими авторами, позволяет избежать описанной методологической ловушки, поскольку «очищает» измеряемый коэффициент от влияния случайных факторов. Его использование позволяет получить ответ на вопрос, какому же уровню популяционной иерархии присуща эндогамия.

Если исходить из определения эндогамии как *обычая* или *правила* заключать браки внутри определенной группы, то в круг эндогамных сообществ должны войти каста и племя, этнолокальная общность, иногда называемая локальной субкультурой, и внутриплеменной родовой союз, конфессиональная, или языковая общность в данной местности. В исследованиях брачной структуры все эти общности можно определить как дема или круги брачных связей. Дем характеризуется эндогамией в узком смысле слова, которая отличается от количественной эндогамии, присущей многим наддемным совокупностям, тем обстоятельством, что внутри дема изолирующие барьеры отсутствуют и, таким образом, дем не содержит внутри себя других, более мелких эндогамных групп. Здесь эндогамия существует именно как обычай, не всегда, правда, формулируемый в гласных нормах, который «вырастает» из локальной системы брачных предпочтений. Нексусом конкретного дема (связью, играющей ведущую роль в выборе брачного партнера) может являться социальная, конфессиональная, культурная, лингвистическая либо, наконец, этническая принадлежность (как это часто бывает в ситуациях межэтнического пограничья) или их комплекс. Детальная характеристика этого уровня в мезоструктуре этноса выходит за рамки дискуссии; здесь лишь уместно еще раз подчеркнуть, что внутридемная панмиксия (отсутствие изолирующих барьеров внутри брачных кругов) превращает дем в эндогамную единицу фундаментального уровня; этнос же, не относясь к панмиктическим сообществам, не может рассматриваться как эндогамный ареал, что заставляет представлять свойственную ему эндогамию как проявление совокупного действия составляющих его мезоструктуру элементов — демов, а также как функцию его пространственной компактности, ареальности, т. е. размещения в географическом пространстве.

Примечания

¹ Цит. по: Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М., 1988. С. 519.

² Adams J., Kasakoff A. Factors Underlying Endogamous Group Size//Regional Analysis. V. 2. Social Systems. N. Y. 1976. P. 149—173.

³ American Association for Advancement of Science Section H. Berkley (California). December 1966.

⁴ Romney K. A. Measuring Endogamy//Explorations in Mathematical Anthropology. Cambridge, 1971. P. 191—213.

С. В. Соколовский

The problem of ethnic endogamy as an inherent characteristic of ethnos, usually mentioned in the definitions of the notion «ethnos», is discussed. The differentiation between spontaneous or artifactual endogamy and endogamy in sensu stricto is introduced. Ethnos is characterized, in the author's opinion,

by quantitative or spontaneous endogamy, but circles of marriage isolation or demes are viewed as elementary endogamous units, with boundaries sustained by linguistic, cultural, confessional, social or other distinctions at the local group level.

S. V. Sokolovsky

© 1992 г., ЭО, № 3

В своей статье Зоя Петровна Соколова подняла очень интересную проблему соотношения двух явлений, наблюдаемых в человеческих сообществах: эндогамии и этничности. Эта проблема в отечественной этнологии ставилась уже не раз. Кроме перечисленных в статье публикаций, в последнее время этой теме уделяли внимание также С. А. Арутюнов¹ и М. В. Крюков².

Предлагаемая новая попытка установления характера связи между двумя названными явлениями привлекает предварительными широкомасштабными полевыми и лабораторными исследованиями, являющимися фундаментом полученных автором теоретических выводов.

Метод выявления эндогамных ареалов, изложенный в данной статье и в монографии «Эндогамный ареал и этническая группа»³, представляет собой анализ предварительно ранжированных по тем или иным признакам (в данном случае место проживания и этническая принадлежность брачных партнеров) групп данных о заключении браков. Такой метод анализа вполне допустим и используется при исследованиях брачных миграций. Однако при анализе предварительно ранжированных групп данных велика вероятность зависимости определения границ эндогамных групп (популяций) от процедуры формирования выборки, что в свою очередь может привести к анализу фрагментов популяционной структуры, если ее внутреннее членение не совпадает с элементами структуры ранжирования, например административно-территориального деления.

Другой метод выявления эндогамных ареалов — построение реальной (сплошной), без предварительного ранжирования матрицы брачных миграций для всего массива данных по любому из признаков: место рождения или жительства брачных партнеров, их этническая, родовая, фамильная, социальная принадлежность и др. Далее процедура определения границ брачных кругов и уровня эндогамных барьеров сводится к избранию и применению метода объективного анализа брачной матрицы, при котором матрица распадается на достоверно связанные группы данных, начиная с простейших методов вариационной статистики, многомерной статистики или аппарата теории графов. Широкий спектр таких методов накоплен как в зарубежной, так и в отечественной историографии исследований популяционной структуры и брачной ассортативности (Райт, Бодмер, Ковалли-Сторца, Ромни, Рычков, Соколовский⁴ и др.).

Использование метода построения сплошной матрицы брачных миграций для всего массива данных по брачным связям оседлого населения Камчатки в XIX — начале XX в. дало, например, следующие результаты. Самый высокий уровень эндогамного барьера наблюдается между локальными группами населения независимо от этнического происхождения брачных партнеров (от 70 до 92% изо-локальных браков по различным эндогамным ареалам). Причем географические границы этих ареалов расселения сложились в основном еще до прихода русских на Камчатку. Этническая принадлежность оказалась вторым по значимости признаком при выборе брачного партнера (по всему массиву данных было зафиксировано 80% моноэтнических браков у камчадалов и 72% — у русских). По некоторым эндогамным ареалам этническая принадлежность оказывалась даже на третьем месте. Этот показатель зависит от социальной специфики русского населения каждого ареала. Частота моноэтнических браков в казачьей

среде оказалась значительно выше, чем в крестьянской (соответственно 89 и 60%).

В своих исследованиях З. П. Соколова также не раз подчеркивает, что на показатели эндогамии влияет множество причин — естественные географические барьеры, административно-территориальное деление, государственная национальная политика и многое другое. И вместе с тем в заключении статьи, среди прочих очень интересных, побуждающих к размышлению выводов, некоторые остаются не вполне понятными, например: «Показатель эндогамии не абсолютен в цифровом выражении, но для устойчивого этноса в целом он не может быть меньше 85—90%».

Здесь мне не совсем ясно, что именно имеется в виду под использованным в данном случае термином «этнос» — все ли многообразие существующих этнических общностей или этнические общности, характеристики которых совпадают с исследованными.

Среди значимых для изучения структуры брачных связей характеристик этнических общностей обских угров конца XVIII — нач. XX в. можно отметить их малочисленность, расселенность компактными локальными группами, социальную нестратифицированность. Исследования З. П. Соколовой убедительно доказывают, что уровень эндогамии может служить надежным показателем состояния популяционной структуры социально нестратифицированной, по численности сопоставимой с демою, компактно проживающей этнической группы.

Эта и другие работы З. П. Соколовой и особенно монография «Эндогамный ареал и этническая группа», ярко демонстрируют какой огромный интерес представляют конкретные исследования структуры брачных связей человеческих общностей для понимания всей многоликости наблюдаемой этнореальности.

Примечания

¹ Арутюнов С. А. Народы и культуры, взаимодействие и развитие. М., 1989.

² Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. М., 1989. Вып. 19.

³ Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990.

⁴ Wright S. Structure of Populations // Ann Eugen. 1951. V. 15; Bodmer W. F., Cavalli-Sforza L. L. A Migration Matrix Model for the Study of Random Genetics Drift // Genetics. 1968. F. 59; Romney K. A. Measuring Endogamy // Explorations in Mathematical Anthropology. Cambridge, 1971; Рычков Ю. Г. и др. Генетика и антропология популяций таяжских охотников-оленьеводов Сибири // Вопросы антропологии. 1974. Вып. 47; Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // СЭ. 1986. № 3.

О. А. Мурашко

The author analyses Sokolova's article and stresses the importance of the problem raised and the enormity of the data used. The comment is focused upon the technique of marriage structure investigation taking into account the influence of data selection (pre-ranging) and local group characteristics on the final results.

О. А. Murashko